

УДК 165.24

ЗНАЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ АУТОПОЙЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

И. В. Кирдяшкин

VALUE OF COMMUNICATIVE CONTEXT OF THE YOUTH'S POLITICAL SOCIALIZATION IN THE LIGHT OF THE AUTOPOIETIC SYSTEMS THEORY

I. V. Kirdyashkin

В статье политическая социализация молодежи определяется как познание политического мира, тесно связанное с таким его контекстом, как коммуникация. В свете теории аутопойетических систем коммуникативный контекст есть организация сообщения политического мира с окружающими его системами (в т. ч. человеком) для адаптации к их изменениям посредством придания им собственного смысла; «действующее лицо» политической социализации.

The paper defines political socialization of the youth as the knowledge of the political world closely connected with such its contexts as communications. In the light of the autopoietic systems theory the communicative context is: 1) the organisation of communication of the political world with the systems surrounding it (including the person) for adaptation to their changes by means of giving it its own sense; 2) «the actor» of political socialisation.

Ключевые слова: социализация, политическая социализация молодежи.

Keywords: socialisation, political socialisation of the youth.

Актуальность проблематики происходит из важности создания теоретической концепции политической социализации, способной интегрировать особенности современного общества, презентующие его гетерогенный и мультикультурный характер. На фоне эрозии «общественного» происходит повышение моральной автономии индивида [14, с. 87]. Обостряет ответственность за выбор и онтологические риски на личность секулярность [10, с. 70]. Но, как замечает А. И. Неклесса, по мере усложнения социума секулярный барьер снижается, реабилитируя виртуальное, психическое и метафизическое измерения бытия, фиксирующих амальгаму меняющихся схем мировидения [10, с. 76]. Новая концепция политической социализации важна в свете потребности в обеспечении целостности общества и его институтов в условиях индивидуализации, атомизации мировидения, нелинейности и мозаичности социализационных практик современного человека. Как замечают исследователи, формируется новая фигурация межпоколенных отношений, которая наиболее адекватна современным социальным условиям и отношениям, – полифигуративный тип культуры. Он характеризуется тем, что разные поколения учатся у разных поколений [16, с. 106]. Политическая социализация актуализируется как разнонаправленный процесс, связанный с ростом его измерений.

Определения политической социализации исходят из позиции необходимости интеграции человека в политический мир, его культуру. Е. Б. Шестопал считает, что политическую социализацию можно рассматривать как процесс включения человека в политическую систему, благодаря которому осуществляется преемственность политических ценностей [15, с. 178]. Основанием политической социализации в исследованиях А. И. Щербинина являются ее фундаментальные ценностные основы, напоминающие о сверхценностях политического мира [17, с. 20].

При ответе на вопрос, как осуществима политическая социализация при росте его измерений, наиболее изначально важным является ответ на вопрос о сущности восприятия человеком политического мира. В этом отношении базовые определения политической социализации можно дополнить несколькими теоретическими положениями. В их числе положение о том, что политическая социализация есть процесс познания основ политического мира. Положение об эпистемологическом измерении политической социализации можно «уточнить» предположением о том, что познание основывается не на получении знания о политическом мире в «чистом» виде, знание всегда опосредовано контекстом, главным образом социальным, предопределяющим истинность, сообразно принятым критериям. Они имеют в качестве истока сложно познаваемые контексты, в частности, связанные с характером коммуникаций в обществе.

В ряде течений эпистемологии, отмечают исследователи, осознается тесная связь познания с сознанием, деятельностью и коммуникацией [4, с. 50]. Познание предстает как коммуникативно-деятельностная ситуация, задающая в той или иной мере функциональность политической социализации и эволюции политического мира. Теоретико-методологическим основанием исследования взаимосвязи познания с непознавательными контекстами – сознанием в целом и коммуникацией – является, в частности, теория аутопойетических систем Н. Лумана. В ней исследуются, прежде всего, отношения человека и общества как относительно закрытых систем. Под «закрытостью» Н. Луманом понимается не термодинамическая (физическая) изолированность, а оперативно-информационная замкнутость [5, с. 104], что означает «рекурсивное условие возможностей собственных операций, исходя из результатов собственных операций» [7, с. 101]. Это предполагает, что система не поглощает всю информацию из окружения, а совершает отбор того, что в прошлом способствовало ее адапта-

ции. В теории Н. Лумана системы, среди которых есть человек и общество, ограничивают себя смыслами. Они являются способами явления объекта наблюдателю в многочисленных модусах восприятия предмета и редукции потока переживаний. Система, в том числе человек, познает мир, различая в нем интенции собственного сознания. Смысл соединяет разные формы различения системы во времени.

По мнению А. Ю. Антоновского, подобного рода самоотбор в ходе самоконструирования, названный аутопойезисом, можно обозначить как самопоэзию. Для объяснения этого понятия А. Ю. Антоновский предлагает следующую метафору. Как строчки стихотворения подсоединяются друг к другу в поэтическом произведении при помощи рифм, так коммуникации присоединяются друг к другу, образуя системы при помощи своих смысловых механизмов. Рифма поэтического произведения как таковая не существует вне стихотворения: строчки именно благодаря такому механизму связи выстраиваются в неслучайные последовательности, и благодаря этому конструируется поэма. Когнитивные свойства систем – отбрасывать одни возможные коммуникации и отбирать другие, осмысленные в каком-то контексте [2, с. 27].

Описывая механизм аутопойезиса, Н. Луман отмечает, что система, в частности психическая система, конструирует любой смысл посредством другого (своего внутреннего смысла) [2, с. 254]. Это не только реализует рекурсивность потока переживаний мира и коммуникаций, но изменяет предмет понимания, а значит в свете теории аутопойетических систем – познания. Исследователь, следуя феноменологической традиции, описывает акт, полагающий смысл. Э. Гуссерль обозначал этот акт через термины *ноэзис* (как «я мыслю», «я воспринимаю») и *ноэма* (что «я мыслю и воспринимаю»). Как отмечают исследователи, Э. Гуссерль полагал, что мир дан не иначе как в формах нашей схваченности, презентации в сознании. Человеческое познание не трансцендирует до мира «самого по себе». Мир представлен в познании в самой собой разумеющихся (а потому и не замечающихся) культурно-антропологических формах, в «ноэтико-ноэматическом единстве». Оно составляет не мир сам по себе, но то, каким он является биографически и социально обусловленному знанию [12, с. 162]. При этом феноменологический подход в лице Э. Гуссерля предполагает, что единство потока переживаний организуется универсальной генетической формой, сочетающей единство содержаний. Задачей исследования становится прояснение общей рамки конструирования мира. Это закладывает установку не столько на понимание мира в его разных коммуникативных контекстах, сколько на его переделывание под рамки универсального.

Теория аутопойетических систем дает основания рассматривать форму единства потока сознания как изменчивую, релевантную определенному набору (специфике) переживаний, но способную «проявляться» в новых интенциях сознания, придавая социализации рекурсивность и пластику измерений. Но с позиции теории аутопойетических систем релятивизм измерений мира вовсе не означает возможного при-

сутствия неких общих рамок конструирования мира. В теории аутопойетических систем Н. Лумана их презентует неизмеримый ни чем окружающий мир, который сложнее, чем любая система, пытающаяся его понять, поэтому знание универсалий недоступно. Так и знание общих начал политического мира реконструировать нельзя. Можно только «увидеть в действии» в разных измерениях, «видя» его проявления.

Этот взгляд на проблему взаимодействия системы и окружающего ее мира несет следующий вывод. Психическая система человека выделяет из окружающего мира во многом только «свое» содержание, но через новые заново адаптирующие ее смыслы. Поэтому окружающий мир и соответственно контекст, через который происходит познание политического мира, у каждого человека разный, образуя различные свойства коммуникативного контекста, модусов и результатов познания политического мира.

Взаимодействие различных систем, в частности человека и общества, Н. Луман описывает через понятие взаимопроникновения, обозначающее вклад в создание систем со стороны окружающего их мира или принятия во внимание опыта «отсутствующего» [12, с. 289]. Системный вклад взаимопроникающих систем состоит не столько в предоставлении ресурсов, энергии, информации, что возможно. Взаимопроникновение – это глубинная связь не вкладов, а конституций [9, с. 291]. Оно означает взаимное содействие, выраженное в соуправлении комплексностью, и имеет место в форме коммуникации [9, с. 196]. Коммуникация в теории общества Н. Лумана не определяет передачу или «перенос» сообщения от отправителя получателю и не имеет целью достижение консенсуса. Если исходить из теории аутопойезиса, достижение консенсуса влечет прекращение жизнедеятельности. Коммуникация – отбор. Коммуникация, пишет исследователь, «выхватывает из любого актуального горизонта указаний, который она же и конституирует, нечто и оставляет в стороне иное... Отбор, актуализирующийся в коммуникации, конституирует свой собственный горизонт; он уже конституирует то, что отбирает отбор, а именно как информацию» [9, с. 196]. Коммуникация конституируется трехзвенным единством процесса [9, с. 121 – 122]. Она состоит из информации, которую мы выбираем из контекста как репертуар возможностей [7, с. 304], сообщения как установления сопряженности системы с информацией, ее смыслом и понимания как принятия или не принятия отбора [5, с. 305]. Понимание представляет сконструированный аспект реальности [5, с. 310]. Коммуникация – процесс, поднявшийся над действием, он атрибутирует, приписывает, конструирует действия, но сам действием не является [5, с. 313 – 314].

Теория аутопойетических систем предполагает, что важно объяснить политическую социализацию не как «перенос» смысловой модели от одной системы к другим, а как «соорганизацию» комплексностей человека и политического мира, включающий отбор релевантных человеку смыслов. «Соуправление» этим отбором требует включения независимого процесса. Взаимопроникновение общества и психической сис-

темы человека и реализует такой процесс, как коммуникация, совершающая отбор комплементарных им «событий» и элементов информации. Коммуникация как средство познания политического мира есть и определенный свод представлений, который не предполагает отрицание первичной реальности. Она состоит в опыте когнитивных операций, образующем «память» общества, представленную в том числе политической культурой, логика которой тесно связана с логикой ментальности человека. Эта логика есть «нить», соединяющая структуры ментальности человека и политический мир. На эту «нить» нанизываются будущие различия системой «своего» содержания в сообщениях окружающего мира, образуя коммуникативный «контекст». Первичную реальность создают условия и структуры выражения «жизненного мира». Он в философии Э. Гуссерля составляет «почву» всякой мыслительной практики. Это преданный мир, горизонт, охватывающий наши цели, объемлющий интенции сознания. Важно отметить многообразие измерений «жизненного мира», имеющих в качестве предпосылок разные условия среды его формирования. Первичная реальность коммуникации составляет средство презентации смыслов мира, Другого, новых интенций политической культуры.

В процессе формирования коммуникативного контекста совершается два типа действия одновременно. Инореференция, презентующая смысл систем окружающего мира. И самореференция, артикулирующая внутренний смысл системы, полученный эволюционным путем отбора информации в прошлом, выступающий средством познания систем внешнего мира [8, с. 15]. В коммуникации смысл формирует смысл [5, с. 254]. Смысл-средство можно презентовать как существо ноэзиса, того «чем я думаю». А формирующийся этим средством смысл, выросший из новой идентичности системы в окружающем мире с целью ее адаптации, можно расценивать как ноэму, то «что я думаю». Система при ответе на сообщении подвергает его «двойной» реконструкции. С одной стороны, система осуществляет познание, презентацию внешнего мира (инореференцию), с другой – самописание, самопознание, саморепрезентацию (самореференцию). В результате «двойной реконструкции» производится понимание как конструкт. Он есть своеобразное осознание различий между тем, что система подразумевает под внешним миром, и тем, что система понимает под собой, своей идентичностью.

То, пишет исследователь, что подразумевается под реальностью, может быть лишь внутренним коррелятом системных операций, а не качеством, присутствующим предметам познания. При этом реальность, подчеркивает исследователь, вырабатывается внутри системы не механически, а через придание смысла [8, с. 16].

В этом отношении коммуникативный контекст есть средство адаптации политического мира к изменениям в человеке, других политических мирах и других окружающих его системах через придание им собственного смысла. Контекст есть осмысленная в горизонте возможных организация сообщения политического мира с системными презентациями окружающего мира. Коммуникативный контекст придает

окружающему миру (человеку, обществу, другим политическим мирам) смыслы политического мира в динамике, что означает присоединение новых адапционных смыслов. Его первичным основанием является политическая культура, новый смысл которой привносится ноэмой, тем, «о чем я думаю», как новым смыслом адаптации политического мира. Важным «участником» формирования коммуникативного контекста, обладающим, возможно, наибольшей творческой силой, является человек. Неся в себе механизм смыслополагания, коммуникативный контекст сохраняет традиционные и интегрирует новые «правила» изменения политического порядка.

При этом нельзя забывать, что окружающий мир системы (человека или общества) всегда намного сложнее нежели сама система. Поэтому любая система должна компенсировать свой проигрыш в сложности выигрышем в упорядоченности. Иначе говоря, различие окружающего мира и системы стабилизирует градиент сложности, т. е. вектор повышения сложности системы. Это так или иначе отвечает на вопрос «чем» мы познаем, в данном случае политический мир, в каких формах культура привносится в качестве базиса коммуникации как «контекста» политической социализации молодежи. Таковыми средствами являются видоизменяющиеся в зависимости от сложности окружающего мира общества схемы отличий, берущие начало в «жизненном мире» человека как почвы и горизонта его сознания, значение которых и несет коммуникативный «контекст». Применительно к познанию человеком общества и его политического мира это могут быть связанные с логикой культуры и коммуникаций общества когнитивные схемы отличий.

Когнитивные схемы, как считают исследователи, это когнитивная структура, внутри которой происходит интерпретация мира. Важной характеристикой схемы является то, что они допускают ранг возможностей. Схема является процедурным средством, которое человек использует, чтобы осуществить интерпретацию. Р. Андрад полагает, что когниция схемы предполагает прямой путь связывания культурных и психологических процессов. Схема является способом связи культуры с другими психологическими процессами, которые влияют на деятельность людей [13, с. 107]. Когнитивные схемы выражены в знаках. Психические системы и социальные могут сообщаться посредством языка как процесса использования знаков, наполненных смыслом (т. е. символизации). Этот процесс и переводит социальную сложность как механизм селекции информации в психическую [9, с. 358]. Операционная функция когнитивных схем, выраженных символически, становится зависимой от процесса выделения информации из сообщения, что, по сути, и производит «контекст» как коммуникативное средство. Его задача и состоит в стабилизации градиента сложности человека и политического мира.

Под коммуникативным средством, презентующим «контекст» политической социализации, можно понимать структуры, соединяющие психику человека и общество как систему нормативных ограничений. В теории Н. Лумана под коммуникативными средствами

понимается код генерализированных символов, которые управляют процессом передачи результатов селекции, опосредующим динамику отношений человека и общества. Код упорядочивает процессы осмысления новых событий, присоединения новых когнитивных схем, образования новых коммуникативных компетенций. При этом код выполняет функцию катализатора времени, т. е. он не соединяет, а «соорганизует» изменения в сознании человека и обществе.

Учитывая двойственность коммуникации и ее «структуры», состоящей из смыслов-средств и их новых тематик, код должен быть двоичен. У Н. Лумана эта двоичность предполагает формальный и неформальный способы кодирования [6, с. 31]. Формальное кодирование связано с инореференцией как «формой» конструирования внешнего мира. Неформальный код – с самореференцией как средством этого конструирования, выражая «достижения» селекции системы, т. е. его внутренние смыслы, берущие начало в «жизненном мире» человека. Релевантность друг другу смыслов этих двух аспектов эволюции кода (и их отличие) придает ему эффект катализатора времени в обществе, способность «соорганизации» конституций сознания молодежи и коммуникаций социума.

Вместе с тем код, по всей видимости, должен иметь свое семантическое ядро, являющееся его несущей конструкцией, главная задача которого состоит в том, чтобы включать новое в привычное, по своему очеловечивая его. Как пишут исследователи, освоение мира предполагает, во-первых, включение все новых ситуаций в рамки привычного либо, если это невозможно, корректирование и модификацию этих рамок, с тем чтобы можно было взаимодействовать с новыми ситуациями. В свою очередь вторым измерением процесса освоения мира является очеловечивание мира, включение его в свое пространство, пространство своей деятельности, чему служит познание [11, с. 83]. Эта несущая конструкция также должна быть тесно связана с логикой культуры и соответственно ментальности человека. На это место в качестве одной из форм культуры общества и ментальности человека может претендовать миф. По мнению Н. Г. Щербининой, мифология является смыслодержущей формой социально-политических коммуникаций. Миф представляет собой архетипическую форму транспортировки смысла [18, с. 316]. Миф как символическая форма смысла связывает коммуникативные акты текста политической социализации.

При этих теоретических допущениях ключевой особенностью символики коммуникативного контекста политической социализации *именно молодежи* является важность его нацеленности на выигрыш во времени, иначе говоря, нацеленность на потенциальные когнитивные схемы как схемы выделения человеком потенциально «своего» в структуре политического мира, того «своего», которое еще не состоялось как устойчивая когнитивная схема или компетенция в политическом сознании молодого человека. Они должны представлять шанс повысить вероятность возникновения невероятных политических коммуникаций, согласующих разнообразие появившихся пред-

ставлений о смысле политического мира и его институтов. В этом есть мотив попадания в искомое начало пути, в заново сконструированное начало формирования политического мира, в новое понимание его смыслов. Мышление о будущем также предполагает развитие особой чувствительности к целому в его незримых измерениях [3, с. 104]. Особую ценность в мышлении о будущем приобретают способности дистанцироваться от наличного существования и создание в воображении картин будущего, особенность которых связана с психоментальным развитием. Искусство мыслить будущее – это искусство самопреобразования [3, с. 109]. Актуализируется особая способность, которая составляет современную цель политической социализации молодежи, связанную с достижением системной рациональности. Как отмечают исследователи, рациональные системы означают способность дистанцироваться от своего собственного «средства наблюдения» (смысла, компетенций) и выдвигать предположения о будущем, т. е. о том, что случилось бы, если бы оно было иным. Здесь, пишет А. Ю. Антоновский, коммуникативная система словно сталкивается с реальностью, ориентируясь на иные коммуникативные миры, и только поэтому может саморректироваться [1, с. 74].

«Опережение» времени также включает способности человека и общества дистанцироваться от собственных средств «наблюдения» (когнитивных компетенций, схем) и выдвигать положения о том, что бы могло случиться, если бы это «средство» было бы другим, ориентируя на иную коммуникативность. Стратегия «опережения» времени подразумевает процессы, презентующие расширение смыслов политической социализации по сравнению с векторами эволюции политического мира, опору на неактуализированные «события» «памяти» политического мира и человека, снижающие монополию той или иной трактовки целей политической реальности. Символизация этих «событий» составляет потенциал для времени «опережения» динамики, точек бифуркации эволюции политических коммуникаций.

Коммуникативный контекст политической социализации в виде кода коммуникации может состоять из множества символизаций. Их соединять, выступая их двигателем, может мифологическая конструкция будущего политического мира как смысловая конструкция его перехода к новым скрепляющим его смыслам. Множество символизаций должно включать в себя символизацию (в том числе, событийности), определяющую смысл выхода за пределы имеющихся «средств» конструирования мира. Она должна быть направлена на поддержку аутопойезиса потенциально возможных политических миров, преодоление тех или иных процедур мышления, расширяя границы смыслов гражданской природы человека. Становление гражданской позиции молодежи – это процесс формирования граждан, в сознании которых ведущую роль должны играть смыслы гражданственности как потенциальной социальности. Можно ли при этом вообще не использовать в качестве оснований конструирования потенциальной гражданственности политическую культуру прошлого? Наверное, нельзя. Но при

этом в контексте, т. е. новой коммуникативно-исторической ситуации, сопряженной с новыми символами эпохи, политическая культура как базис социализации уже будет иметь другие вид и направленность, порой не узнаваемые, выполняя потребности адаптации политического мира в текущей событийности, коммуникативной ситуации. Источником знания о политическом мире является коммуникативный контекст как модус респонденции со структурой политического мира, сквозь который человек и познает политический мир, накладывающий новый смысл на традиционные основания политического мира и его культурных основ.

Таким образом, коммуникативный контекст адаптирует политический мир к изменениям в других окружающих его системах (в т. ч. человеке). Он представляет собой определенную организацию сообщения политического мира с окружающим миром посредством придания окружающим его системам (человеку, другим политическим мирам) собственного смысла. Коммуникативный контекст ограничивает индивидуальность контакта с политическим миром, наделяя этот контакт смыслом, значимым для всех, распространяющимся в качестве нормы и критерия политической социализации. При этом контекст отбирает и дополняет информацию о смыслах политического мира. Контекст в значении коммуникации не является абсолютно внешним по отношению к политической реальности, он формируется посредством традиционных норм политической культуры, которым придается новое измерение смысла в свете важности ее новых компетенций в обществе, окружающем мире. Коммуникативный контекст есть конструируемое свойство политического мира, характер которому придается логикой ментальности человека и политической культуры общества, через призму которых

формируется знание о предмете, т. е. политическом мире. Коммуникативный контекст маркирует истинность той или иной смысловой репрезентации политического мира, различая в сообщениях и «указывая» на то, что является его содержанием, а что нет. При этом коммуникативный контекст конструирует новые смыслы политического мира, обусловленные его адаптацией. Политическая социализация молодежи происходит как процесс познания политического мира через интенции («указания») коммуникативного контекста. Его динамика обусловлена изменениями градиентов комплексности мира политики, т. е. тем, что упорядочивает и регулирует его процессирующую сложность.

Познание политического мира в процессе политической социализации молодежи – это коммуникация с потенциально возможным, воображаемым политическим миром и с потенциальными компетенциями политического сознания молодого человека. Это может происходить в процессе образовательных практик и творческой активности, отбора элементов индивидуальными схематизациями смыслов политического мира. Коммуникативный контекст как «действующее лицо» политической социализации может определять новый уровень политического сознания и адаптивности молодежи, если он в той или иной мере релевантен ее мировоззрению, придавая перспективу общественно-политическим проектам. Коммуникативный контекст через придание его интенциям соответствия умонастроениям молодежи закладывает характер эволюции политического мира как системы установок действия и мысли, смыслов свободы человека. Творческую силу коммуникативному контексту придает человек и его интерпретации смыслов собственного окружающего мира, в том числе политического.

Литература

1. Антоновский, А. Ю. Коммуникативная рациональность – внешняя и внутренняя / А. Ю. Антоновский // Эпистемология и Философия науки. – 2008. – Т. XVII. – № 3.
2. Антоновский, А. Ю. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») / А. Ю. Антоновский // Вопросы философии. – 2008. – № 3.
3. Герасимова, И. А. Искусство мыслить будущее / И. А. Герасимова // Эпистемология и Философия науки. – 2010. – Т. XXIII. – № 1.
4. Касавин, И. Т. Критерии знания: собственно эпистемологические или социальные? / И. Т. Касавин // Эпистемология: перспективы развития. – М.: Канон-Пресс, 2012.
5. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман. – М.: Логос, 2007. – 360 с.
6. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – 234 с.
7. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – М.: Логос, 2004. – 231 с.
8. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – М.: Логос, 2005. – 253 с.
9. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
10. Неклесса, А. И. Будущее и грядущее: кризис современного мира / А. И. Неклесса // Полис. – 2012. – № 2.
11. Пирожкова, С. В. Является ли знание конструкцией? / С. В. Пирожкова // Эпистемология и Философия науки. – 2012. – Т. XXIV. – № 4.
12. Смирнова, Н. М. Эпистемология жизненного мира: эвристический потенциал и когнитивные границы / Н. М. Смирнова // Эпистемология: перспективы развития. – М.: Канон-Пресс, 2012.
13. Филатова, А. А. Когнитивные формы культуры / А. А. Филатова. – Ростов н/Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. – 248 с.
14. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М.: Наука, 1992. – 175 с.

15. Шестопад, Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х / Е. Б. Шестопад. – М.: РОССПЭН, 2000. – 431 с.
16. Шурбе, В. З. Поколение хай-тек и «новый конфликт» поколений? / В. З. Шурбе // Социологические исследования. – 2013. – № 4.
17. Щербинин, А. И. Политическое образование как фактор политического процесса: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / А. И. Щербинин. – М.: Моск. гос. ун-т, 2000. – 52 с.
18. Щербинина, Н. Г. Коммуникационная роль современного политического мифа / Н. Г. Щербинина // Политическая психология, культура и коммуникация. – М.: РОСПЭН, 2008.

Информация об авторе:

Кирдяшкин Иван Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии философского факультета Томского государственного университета, 89138246055, kirdjshkin@mail.ru.

Ivan V. Kirdyashkin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Political Science, Philosophical Faculty, Tomsk State University.